

УДК 930
ББК 63.3

ИСТОРИОГРАФИЯ КАК ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ (к постановке проблемы)*

О.В. Воробьева

Аннотация. *Статья посвящена проблеме научного (историографического) трансфера как разновидности культурного трансфера. Автором поднимаются теоретические проблемы транскультурного взаимодействия разных историографических традиций и культур, показывается сложность и комплексность подобных взаимодействий, требующих внимания к культурным посредникам, условиям осуществления трансфера, формам его протекания, механизмам рецепции. Отмечается динамический характер трансфера, предполагающий учет привходящих факторов, а также дополнительная подвижность трансфера, возникающая в процессе пересечения эмпирического материала и интеллектуальных операций исследователя, которое фиксируется в процессе рефлексии и предполагает привлечение новых исследовательских процедур. Ключевой задачей статьи является анализ эпистемологических аспектов изучения историографического трансфера, особенно возможностей и способов преодоления европоцентризма в процессе транскультурного взаимодействия историографий. Автор приходит к выводу, что любой историографический трансфер должен анализироваться во всей его толщине, артикулированной на разных уровнях, между которыми устанавливается множество связей. Акцентируется необходимость повышения ценности культурного трансфера за счет дополнения его другими наработанными подходами и механизмами идентификации и взаимодействия культур.*

Ключевые слова: *историография, глобальная история, научный и культурный трансфер, европоцентризм, транскультурная компаративистика.*

277

HISTORIOGRAPHY AS A TRANSCULTURAL CONCEPT (To the Problem Statement)

O.V. Vorobyova

Abstract. *The article deals with the issue of scientific (historiographic) transfer as a variety of cultural transfer. The author considers theoretical problems of transcultural interactions of different historiographic traditions and cul-*

* Статья выполнена при поддержке РФФ, грант № 15-18-00135-П.

tures, shows the complexity and integrated approach of such interactions, requiring attention to cultural mediators, conditions for the transfer, its development, reception mechanisms. The article shows the dynamic nature of the transfer, which requires taking into account incoming factors, as well as the additional mobility of the transfer that occurs during the intersection of empirical material and intellectual operations of the researcher, which is fixed in the process of reflection and involves new research procedures. The key task of the article is to analyze the epistemological aspects of studying the historiographic transfer, especially the possibilities and ways of overcoming Eurocentrism in the process of transcultural interaction of historiography. The author comes to the conclusion that any historiographic transfer should be analyzed in its full, articulated at different levels, between which a set of connections is established. It emphasizes the need to increase the value of cultural transfer by supplementing it with other established approaches and mechanisms of identification and interaction of cultures.

Keywords: *historiography, global history, scientific and cultural transfer, Eurocentrism, transcultural comparativism.*

Процессы глобализации привели к колоссальным изменениям во всем историческом пространстве. Происходит серьезное «переформатирование» современного мира со всеми вытекающими отсюда последствиями, причем довольно противоречивыми, поскольку эта противоречивость коренится в самом явлении глобализации. Существенным трансформациям подвергается сфера исторического сознания и исторической памяти. Кардинально обновляется научное знание и парадигма научного мышления [см. об этом: 1–3].

Историческая наука не могла не откликнуться на эти сдвиги. Одним из ответов стало появление нового исследовательского поля — глобальной истории, предложившей историкам не только разработку новых тем, но и существенное обновление теоретического аппарата и исследовательского инструментария. В ее основе — стремление историков посмотреть на

мир не через его части, а через его связи, сосредоточив внимание на тех аспектах глобальной целостности, которые имеют надгосударственную природу и пересекают разнообразные границы и перегородки. Так появились пересеченная, связанная, транснациональная, новая интернациональная история. В их числе оказалась и история трансферов.

Зародившись для изучения межкультурных взаимодействий в области литературоведения (начальной точкой считается франко-немецкий культурный проект), понятие трансфера довольно быстро переключалось сначала в историческую науку, а затем и в историографию. На излете XX века и в начале XXI века состоялось несколько крупных проектов, в центре внимания которых оказался феномен глобальной историографии [см.: 4–8], коммуникации и взаимовлияния разных историографических традиций и культур, в том числе по-

средством научного трансфера. Помимо интереснейшего содержания, каждый из этих проектов характеризовался повышенной рефлексивностью (вообще свойственной глобальной истории), в результате чего начали проявляться сильные и слабые стороны нового подхода, в том числе эпистемологического характера. Пусковым фактором новых поисков, таким образом, стало ощущение недостаточности прежних схем изучения межкультурных коммуникаций и исходных формулировок (культурное столкновение, контакт, соприкосновение, перенос, сращивание, перевод), которые порождали это ощущение.

Концептуальные основы и эвристический потенциал теории культурного трансфера уже не раз привлекали внимание исследователей [см., напр.: 9-11], акцентировавших отличие новых подходов от прежних исследований межкультурных взаимодействий, опирающихся на традиционный компаративный анализ (предполагающий наличие замкнутых культурных пространств [12, с. 79]) и нацеленных на изучение *результатов* рецепции культурных элементов исходной культуры в принимающей культуре. Такие исследования, как правило, не принимают во внимание, во-первых, всей сложности и комплексности подобных взаимодействий (наличие культурных посредников, влияние третьих факторов, а также взаимовлияния взаимодействующих культур и др.), во-вторых, их динамического характера, акцентирующего процессуальность этого феномена. Что касается первой стороны вопроса, то изучению подлежат:

а) исходная культура и условия осуществления трансфера;

б) культурные посредники (медиаторы) как носители определенной культурной информации, а также социо- и идиолектов, осуществляющие культурный перенос из одной культуры в другую, в том числе посредством адаптации передаваемой культурной информации — другими словами, пути и формы передачи трансфера;

в) рецепция трансфера в целевой культуре, в том числе особенности его протекания (циркуляции; сопротивления; инерции; модификации траекторий, форм и содержания; адаптивный или конфликтный характер протекания трансфера; индивидуальное или коллективное усвоение; наличие третьих факторов, влияющих на взаимодействие и т.п.) и формы культурной адаптации и усвоения трансфера (выбор культурных элементов; вкрапления, подражания, трансформации / деконструкции или сохранение структуры чуждых элементов, семантические сдвиги, появление новых смыслов и функций и т.п.), а также изменения в воздействующей культуре, что не позволяет рассматривать трансфер по аналогии с донорством, т.е. учитывается «не бинарная оппозиция — две культуры, одна из которых обязательно осмысляется как культура-реципиент..., но конструкция, гораздо более сложная» [там же, с. 15].

Вторая сторона вопроса — динамический характер трансфера — помимо указанных выше проявлений постоянной подвижности культурного текста предполагает также учет приводящих факторов (трансфер протекает не линейно и не в одном направлении) и дополнительной подвижности трансфера, возникающей в

процессе пересечения эмпирического материала и интеллектуальных операций исследователя (фиксация новых комбинаций и пересечений, в том числе за счет установления лингвистических, концептуальных, терминологических, категориальных различий). Это пересечение обнаруживается в процессе рефлексии и предполагает привлечение новых исследовательских процедур.

Но если сам подход более-менее понятен, то конкретный методологический инструментарий и сопутствующие ему эпистемологические проблемы вызывают множество вопросов. И, пожалуй, один из самых острых — возможность и способы преодоления европоцентризма при анализе культурных трансферов (особенно если учесть, что сам концепт «культурный трансфер» возник как попытка нейтрализации прежних линейных и однонаправленных способов рассмотрения межкультурных взаимодействий, придя на смену идеологически окрашенным «культурным столкновениям», «переносам» и т.п.).

Прежде всего, это касается времени изучения историографических трансферов — как правило, начиная с конца XVIII века, когда начинается активное взаимодействие западных и незападных историографических традиций в ходе колониальной экс-

пансии европейских государств в остальные регионы мира. А поскольку в это время в Европе происходит процесс становления истории как научной дисциплины и профессионализация историографии, европейские научные институты и эпистемологические стандарты (рассматривающиеся как нормативный элемент в процессе взаимодействия) не только завоевывают весь остальной мир, но и приобретают характер своеобразного *западного историографического империализма*, оказавшего колоссальное влияние на историческое сознание и профессиональную культуру неевропейских народов. Кроме того, мощный европоцентристский заряд несла в себе сама идея противопоставления западного и не-западного, т.е. определение всего остального мира *по отношению к западному*. Даже сегодня, когда говорится о некоей «мировой исторической науке», с которой взаимодействует та или иная национальная историография, под ней, как правило, подразумевается не что иное, как западная историческая наука со всеми свойственными ей атрибутами и институтами¹. В результате европейская историография становится своего рода референтной точкой, к которой постоянно обращаются и по отношению к которой определяют себя другие историографии. Вопрос заключается в том, возможно ли нахождение других рефе-

¹ Несмотря на то, что, как совершенно справедливо отмечает И.М. Савельева, «"Мировая наука", безусловно, не операциональное понятие: нет согласия по поводу того, чем она является (если предположить, что она вообще существует) или как ее измерять, каково ее содержательное наполнение...» [см.: 13, с. 29]. Другими словами, понятие «национальная наука» не является простым слагаемым. В своей статье И.М. Савельева также предлагает задуматься о сложности и такого понятия, как «национальная наука». Потому что «"национальная" наука не может быть корректно противопоставлена мировой, поскольку заведомо является ее частью». «При этом, — продолжает свое рассуждение И.М. Савельева, — под национальной наукой может пониматься и конкретное территориальное сообщество, и авторы, публикующиеся на одном языке, и совокупность ученых и институций, связанных с национально-культурным проектом, и даже некий специфический "дух", если говорить о науке о человеке» [там же, с. 30-31].

рентных точек или такое положение дел является неизбежным?

Размышляя об этом, некоторые историки задаются вопросом, а насколько вообще западные концепты, в том числе концепты модернизации, национализации, историзации и другие составляющие западного проекта Просвещения, приемлемы и необходимы для изучения истории и историографии т.н. незападных стран [см., напр.: 14]. И, как правило, приходят к выводу о невозможности простого ответа. В том числе потому, что современная историография в этих регионах изначально создавалась как *национальная историография* либо в контексте формирования независимых государств, либо в связи с движением за независимость от колониального гнета. А потому вопросы, которые задает неевропейская историография, — это европейские вопросы, и пространственно-хронологические концепты взяты из европейской истории и т.д. и т.п. В результате возникает парадокс: с одной стороны, существует намерение и желание написать историю с транскультурной перспективы, преодолев национальную и, по сути, европейскую перспективу и модель историописания. (Появление концепта постколониализма отражает это стремление к деконструкции европоцентризма и поиск более подходящего эпистемологического концепта для транскультурных взаимодействий и сравнений. Причем префикс «пост» имеет как хронологическое, так и эпистемологическое значение.) С другой стороны, становится очевидным, что транскультурная компаративистика сильно затруднена (по крайней мере, на данный момент) без об-

ращения к европейскому историческому знанию как референту.

Получается, что ни включение «другого» в историю, ни отрицание европоцентристской телеологии не означают автоматической капитуляции европоцентризма. Поэтому некоторые исследователи полагают, что для решения этого вопроса необходимо критическое исследование западной исторической модели, аргументируя это тем, что если европоцентризм связан с модерностью, то его отрицание должно влечь за собой отрицание концептов современного происхождения, в том числе и рожденного в ее рамках западного проекта истории. Однако такой вариант вряд ли можно считать приемлемым решением (повторюсь — по крайней мере, на данный момент). Поэтому более продуктивным, вероятно, следует признать то, что Э. Фукс называет «мягким вариантом европоцентризма» (а именно — постоянная рефлексия и деконструкция его политических, идеологических, экономических и культурных оснований), полагая, что только осознание условий и границ западного взгляда на историю может открыть транскультурную перспективу. Если модерность исторична и не понимается как универсальный проект, это открывает возможность сравнения исторических нарративов, порождаемых историографическими традициями и культурами. Со временем это, вероятно, может дать интересный результат, который пока, правда, просматривается с трудом.

Но некоторые наработки все же имеются. Так, например, немецкий историк Й. Рюзен полагает, что любое сравнение — это в первую оче-

редь вопрос о параметрах. Западная историческая традиция опирается на параметры, сформированные профессиональной академической историей в XIX веке. И, согласно им, все остальные историографические культуры и традиции историописания в этом случае неизбежно становятся «невидимыми», а само мышление этих народов признается аисторичным [см. об этом: 15–16]. *«Чтобы избежать таких вводящих в заблуждение понятийных предрассудков, — рассуждает Рюзен, — нужно мыслить о критериях суждения в сопоставлении культур таким образом, чтобы парадигма собственной культуры не приобретала общего парадигматического статуса, но оказывалась одним случаем из многих в сложной рамочной конструкции интерпретаций и понимания»* [17]. А для этого необходим поиск общих, антропологически определенных знаменателей исторического сознания, сделав их теоретической базой для сравнений. И далее поясняет: *«Думаю, что можно сориентироваться на универсальность, встроенную в любое историческое мышление, — универсальность, существенно увязанную с вопросом об истине. Любое историческое повествование заявляет притязания на истину. Логика этих притязаний универсальна. Если можно ухватить данный универсализм истины и придать ему форму, в которой он осуществлялся бы во всех видах истории, то тогда станет возможно разработать понятийную рамочную конструкцию межкультурных сравнений. Нам станут видны различные в несовпадающих культурах критерии суждения, кото-*

рые нет нужды сводить к одному критерию, специфическому для такой-то культуры» [там же]. К сожалению, историк пока что не приводит никаких примеров реализации такого подхода, поэтому задача не решается, а скорее, пока только ставится.

В этом же направлении предлагает двигаться и один из редакторов сборника «Пересекая культурные границы: историография в глобальной перспективе» Э. Фукс, призывая рассматривать каждую историографическую культуру как комбинацию элементов и обращая особое внимание на разнообразные и, как правило, борющиеся внутри нее концепты, тем самым уходя от европоцентризма [18]. Очевидно, что это предполагает и специфическое понимание науки, и ее типических институциональных форм в каждом регионе.

Одним из возможных примеров является японская историография конца XIX – начала XX века. Считается, что возникновение профессиональной историографии в Японии было связано исключительно с интеллектуалами, транслировавшими западные идеи [7; 19–20]. Ранние японские просветители, в том числе Фокудзава Юкити, черпали у Гизо и Бокля, в то время как историки-эмпирики в Токийском университете находились под влиянием своего коллеги и учителя Л. Рисса, ученика Ранке (преподавал в Японии в 1887–1902 гг.). И их нарратив впитал западную телеологию вестернизации, национализм и идею объективности истории, которые противостояли консервативным элементам прежней японской историографии, сохранявшей мифы и рисовавшей анахрони-

ческое прошлое. Однако детальное изучение японской историографии конца XIX века показывает, что наряду с открытой критикой западного историописания (причем, тоже довольно разнородной) в этот момент в ней присутствовали и альтернативные проекты. Представителем одного из них был, в частности, Ямадзи Айдзан. Он не получил формального образования, печатался в основном в газетах и журналах и приобрел репутацию независимого историка и критика ортодоксальной историографии. А фактически принадлежал к категории людей, которые не позволяют нам маргинализировать то, что не схватывается привычными дихотомиями «модернизация/традиция» или «западное/родное».

Как показывает Стефан Танака [21], с одной стороны, Ямадзи Айдзан смирился с неизбежностью исторических моделей, привнесенных западными историками. Он пользуется геокультурными единицами западного дискурса — Запад, Восток, Япония и т.д. Но при этом он призывает к «осторожным объятиям» с западными идеями, в том числе с идеей прогресса. Принципиальное отличие его истории заключается в смещении привычного западного внимания к государству-нации на нацию как сообщество «простолюдинов соломенных крыш», борющихся за свои права. Нация отличается от государства и не включается в него — нация-государство вообще не рассматривается как потенциально необходимое для развития (прогресса) и стабильности и продолжения идеи нации. Любые изменения, которые происходят в нации, связаны не с трансформацией политической системы и институтов,

а с возрастанием способности людей защищать себя и управлять собой самостоятельно. Более того, западные концепты и их производные, которые в западной историографии мыслились как естественные и внеисторические — идея прав человека, идея империи и др., — он призывал рассматривать как развивающиеся в процессе истории.

Таким образом, Ямадзи полагал, что принципиальный акцент на историю как академическую дисциплину с ее опорой на эмпирический базис и методологию, свойственный академическим историкам Японии, на самом деле маскирует противоречия и границы самой модернити. Для истории это использование конкретики и идеологии для описания универсалистского и механического процесса, который, якобы, свойственен всему человечеству.

Другой пример — историография южноафриканского государства, которую принято рассматривать в терминах дихотомии между британцами и бурами, а также бурами и коренными африканцами. Однако, как демонстрирует Бенедикт Стучтей [22], некоторые элементы идеологии и историографии африканеров вошли в британское мышление. Одновременно с этим для построения национальной идентичности африканеры использовали не только идеи колониального национализма, воспринятые ими от ирландской интеллигенции, но и общеевропейские идеи. Как следует из его рассуждений, центром африканской национальной идентичности и политической идеологии являлся именно пограничный опыт, являвшийся неотъемлемой частью исторической культуры этого региона [там же].

Возможно, дальнейшая работа с концептом историографического трансфера (и шире — научного, культурного) способна выявить и другие продуктивные пути научного осмысления проблемы трансляции и межкультурной/межрегиональной рецепции исторического знания. Самое интересное здесь — это, наверное, механизмы трансляции (каналы, посредники) и рецепции (а по сути, преобразования) трансфера. Если говорить о каналах, то, вероятно, следует обратить внимание не на роль личных контактов, личных влияний, действия медиаторов, а также на возможность воспринимать трансфер либо напрямую из той традиции, которая породила базовые концепты или в которой эти концепты нашли наиболее успешное применение (и пример Японии, в отличие, скажем, от Китая, это блестяще подтверждает), либо опосредовано. Возможности рецепции тоже зависят от множества факторов: помимо культурного и политического контекстов в транслирующей и принимающей сторонах, очевидна, например, роль государственной научной политики, институциональных механизмов (традиции производства исторического знания, наличия научных школ, особенностей профессиональной подготовки историков, стратегии научной коммуникации), общего состояния научной дисциплины и позиции историков в междисциплинарном пространстве и множества других факторов. Например, как отмечает в своей статье Э. Ван [23], сопротивление китайской историографии европейской научной парадигме было связано с представлением о подчиненности человеческой истории природной истории, что нашло свое

выражение в дихотомии между дао (нормой) и историей (нормой и фактом). И это очень мешало восприятию китайцами европейской философии истории.

Такой анализ еще раз напоминает нам о том, что любой историографический трансфер должен анализироваться во всей его толщине, артикулированной на разных уровнях, между которыми устанавливается множество связей, как «внутренне подвижная структура, способная развернуть свой смысл только “на перекрестке культур”» [24, с. 5]. Но при этом не менее важно обратить внимание и на границы данного подхода. Как отметил И.В. Следзевский в своем сообщении «Концепция культурно-цивилизационных трансферов: опыт критического анализа» на круглом столе «Трансфер в истории и теории цивилизаций», состоявшемся в Институт всеобщей истории РАН, опасность чрезмерного увлечения теорией культурного трансфера состоит в чрезмерном смещении акцента на интернационализацию всей человеческой культуры в ущерб идее особенности и уникальности каждой культуры / страны / региона. При этом происходит перемещение центра гуманитарной мысли с центра на периферию; релятивизируется понятие исторической памяти, превращающейся все больше в коммуникативную память; отбрасываются прежние культурные модели и сравнения. По-видимому, повышению ценности культурного трансфера может способствовать только его дополнение другими, в том числе уже наработанными подходами и механизмами идентификации и взаимодействия культур.

Пока что, повторяюсь, в историографии подобная задача, скорее, ставится, чем решается, но сам факт перехода от централизованных форм к децентрализованным, сам факт рефлексии способов такого «плотного» (по К. Гирцу) прочтения историографии, появления альтернативного вопросника, новых констелляций историографического анализа весьма полезен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева, О.В. Глобализация как социокультурное и интеллектуальное пограничье [Текст] / О.В. Воробьева // «Свой-другой-чужой» в коммуникативном пространстве контактных зон». — М.: ИВИ РАН, 2014. — С. 26-28.
2. Воробьева, О.В. Глобальный дискурс и специфика научно-гуманитарного мышления в условиях глобализации [Текст] / О.В. Воробьева // Диалог цивилизаций и идея культурного синтеза в эпоху глобализации. — М.: ИВИ РАН, 2014. — С. 17-20.
3. Воробьева, О.В. Глобальное знание в контексте глобализации [Текст] / О.В. Воробьева // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив: сборник научных статей / Министерство образования и науки, Дальневост. федерал. ун-т; Российская академия наук, Институт всеобщей истории; [ред. кол.: Ф.Е. Ажимов (отв. ред.), Н.Н. Крадин, Л.П. Репина, К.С. Еременко (ред.-сост.)]. — Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. — 256 с. — С. 31-40.
4. Woolf D. (ed.) A Global Encyclopedia of Historical Writing. 2 vol. [Text] / D. Woolf. — New York, 1998.
5. Boyd K. (ed.) Encyclopedia of Historians and Historical Writing. 2 vol. [Text] / K. Boyd. — London, 1999.
6. Woolf D. Historiography [Text] / D. Woolf // New Dictionary of History of Ideas. — Farmington Hills, MI, 2005. Vol. 1. — P. xxxv-lxxxviii.
7. Völkel M. Geschichtsschreibung: Fine Einführung in globaler Perspektive [Text] / M. Völkel. — Köln, 2006.
8. Iggers G.G., Wang E.Q. (with contributions from Supriya Mukherjee). A Global History of Modern Historiography [Text] / G.G. Iggers, E.Q. Wang. — Longman: Pearson Education Ltd, 2008.
9. Эспань М. О понятии культурного трансфера. Предисловие [Текст] / М. Эспань // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия) / под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. — М.: ИМЛИ РАН. 2009. — С. 7-18.
10. Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий [Текст] / Д.В. Лобачева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. Вып. 8(98). — С. 23-27.
11. Дмитриева, Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? [Текст] / Е. Дмитриева // Вопросы литературы. — 2011. — № 4. <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html>
12. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер [Текст] / М. Эспань / Мишель Эспань; пер. с франц.; под общ. редакцией Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е.Е. Дмитриевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 816 с.
13. Савельева, И.М. Пути научного трансфера: современная российская историография в мировом контексте [Текст] / И.М. Савельева // Профессия — историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. — М.: Аквилон, 2017 [504 с.]. — С. 25-45.
14. Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.) — Lanham, MD: 2002.
15. Rösen, J. Historical Objectivity as a Matter of Social Values [Text] / J. Rösen // J. Leerssen and A. Rigney (eds.). Historians and Social Values. — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2000. — P. 57-66.
16. Rösen, J. Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparison of Historiography

- [Text] / J. Rüsen // *History and Theory*. — No. 35. — 1996. — P. 5-22.
17. Рюзен, Й. Критерии исторического суждения [Text] / Й. Рюзен. — URL: <http://gefter.ru/archive/7645>
 18. Fuchs E. Provincializing Europe: Historiography as a Transcultural Concept [Text] / E. Fuchs // *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective* / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.) — Lanham, MD: 2002. — P. 1-26.
 19. Mehl, M. History and the State in Nineteenth-Century Japan [Text] / M. Mehl. — New York, 1998.
 20. Hiroshi, I. British Influence on Modern Japanese Historiography [Text] / I. Hiroshi // *Saeculum*. — 1987. — Vol. 38. — P. 99-112.
 21. Tanaka, S. Alternative National Histories in Japan: Yamaji Aizan and Academic Historiography [Text] / S. Tanaka // *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective* / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.). — Lanham, MD, 2002. — Part 1, chapter 5.
 22. Stuchtey, B. In Search of Lost Identity: South Africa between Great Trek and Colonial Nationalism, 1830–1910 [Text] / B. Stuchtey // *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective* / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.). — Lanham, MD: 2002. Part 1, chapter 2.
 23. Wang, E. German Historicism and Scientific History in China, 1900–1940 [Text] / E. Wang // *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective* / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.). — Lanham, MD, 2002. — Part 2, chapter 6.
 24. Лагутина, И.Н. Россия и Германия на перекрестке культур: Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII - первой трети XX века [Text] / J. Rüsen И.Н. Лагутина / *Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН*. — М., 2008. — 342 с.
 2. Boyd K. (ed.), *Encyclopedia of Historians and Historical Writing*, 2 vol., London, 1999.
 3. Dmitrieva E., *Teoriya kulturnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnyh issledovaniyah: oppozitsiya ili preemstvennost?*, *Voprosy literatury*, 2011, No. 4, available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/dm16.html> (accessed: 25.07.2018). (in Russian)
 4. Espan M., “O ponyatii kulturnogo transfera. Predislovie”, in: *Evropejskij kontekst russkogo formalizma (k probleme ehsteticheskikh peresechenij: Franciya, Germaniya, Italiya, Rossiya)*, pod red. E. Dmitrievoy, V. Zems-kova, M. Espan, M.: IMLI RAN. 2009, pp. 7-18. (in Russian)
 5. Espan M., *Istoriya civilizacij kak kulturnyj transfer*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 816 p. (in Russian)
 6. Fuchs E., “Provincializing Europe; Historiography as a Transcultural Concept”, in: *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective*, Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.), Lanham, MD, 2002, pp. 1-26.
 7. Hiroshi I., *British Influence on Modern Japanese Historiography*, *Saeculum*, 1987, Vol. 38, pp. 99-112.
 8. Iggers G.G., Wang E.Q. (with contributions from Supriya Mukherjee), *A Global History of Modern Historiography*, Longman, Pearson Education Ltd, 2008.
 9. Lagutina I.N., *Rossiya i Germaniya na perekrestke kultur: Kulturnyj transfer v sisteme russko-nemeckih literaturnyh vzaimodejstvij konca XVIII – pervoj treti XX veka*, In-t mirovoj literatury im. A.M. Gorkogo RAN, Moscow, 2008, 342 p. (in Russian)
 10. Lobacheva D.V., *Kulturnyj transfer: opredelenie, struktura, rol v sisteme literaturnyh vzaimodejstvij*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, Vyp. 8(98), pp. 23-27. (in Russian)
 11. Mehl M., *History and the State in Nineteenth-Century Japan*, New York, 1998.
 12. Rüsen J., “Historical Objectivity as a Matter of Social Values”, in: Leerssen J., Rigney A. (eds.), *Historians and Social Values*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2000, pp. 57-66.
 13. Rüsen J., *Kriterii istoricheskogo suzheniya*, available at: <http://gefter.ru/archive/7645> (accessed: 17.07.2018). (in Russian)

REFERENCES

1. *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective* / Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchtey (eds.) — Lanham, MD: 2002.

14. Rüsen J., Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparison of Historiography, *History and Theory*, No. 35, 1996, pp. 5-22.
15. Saveleva I.M., "Puti nauchnogo transfera: sovremennaya Rossijskaya istoriografiya v mirovom kontekste", in: *Professiya — istorik (k yubileyu L.P. Repinoy)*, otv. red. O.V. Vorobyova, Moscow, Akvilon, 2017, 504, pp. 25-45. (in Russian)
16. Stuchey B., "In Search of Lost Identity: South Africa between Great Trek and Colonial Nationalism, 1830–1910", in: *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective*, Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchey (eds.), Lanham, MD, 2002, Part 1, chapter 2.
17. Tanaka S., "Alternative National Histories in Japan: Yamaji Aizan and Academic Historiography", in: *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective*, Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchey (eds.), Lanham, MD, 2002, Part 1, chapter 5.
18. Völkel M., *Geschichtsschreibung: Fine Einführung in globaler Perspektive*, Köln, 2006.
19. Vorobyova O.V., "Globalizaciya kak socio-kulturnoe i intellektualnoe pograniče", in: *"Svoj-drugoj-chuzhoj" v kommunikativnom prostranstve kontaktnykh zon*, Moscow, IVI RAN, 2014, pp. 26-28. (in Russian)
20. Vorobyova O.V., "Globalnoe znanie v kontekste globalizacii", in: *Istoriya i teoriya civilizacij: v poiskah metodologicheskikh perspektiv: sbornik nauchnykh statej*, Vladivostok, Dalnevost. federal. un-t, 2015, pp. 31-40. (in Russian)
21. Vorobyova O.V., "Globalnyj diskurs i specifika nauchno-gumanitarnogo myshleniya v usloviyah globalizacii", in: *Dialog civilizacij i ideya kulturnogo sinteza v ehposhu globalizacii*, Moscow, IVI RAN, 2014, pp. 17-20. (in Russian)
22. Wang E., "German Historicism and Scientific History in China, 1900–1940", in: *Across Cultural Boundaries: Historiography in Global Perspective*, Eckhardt Fuchs and Benedikt Stuchey (eds.), Lanham, MD, 2002, Part 2, chapter 6.
23. Woolf D. (ed.), *A Global Encyclopedia of Historical Writing*, 2 vol., New York, 1998.
24. Woolf D., 'Historiography', in: *New Dictionary of History of Ideas*, Farmington Hills, MI, 2005, Vol. 1, pp. xxxv-lxxxviii.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; доцент, кафедра теории и истории гуманитарного знания, научный сотрудник, Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, vorobushek1@yandex.ru

Vorobyova O.V., PhD in History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Theory and History of Humanitarian Knowledge Department, Researcher, Research-education Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities, vorobushek1@yandex.ru